

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Западное Полесье — прародина славян (По поводу сборников: «Полесье». — М., изд-во «Наука», 1968. 302 стр.; «Лексика Полесья». — М., изд-во «Наука», 1968. 476 стр.).

Полесье, являясь живой стариной, интересно во многих отношениях и дает богатый материал и для диалектологического и сравнительно-исторического изучения славянских языков, и для периферийных лингвистических дисциплин, к которым принадлежит ономастика, в том числе топонимия и гидронимия, а также и для смежных с лингвистикой наук: этнографии, этнологии, социологии, истории культуры, политической истории, археологии, антропологии.

Полесье играет важную роль в славянском этногенезе. Как известно, сторонниками теории полесской прародины славян были Я. Ростафинский, Я. Пейскер, Г. Улашин и особенно М. Фасмер. По В. В. Мартынову, «лингвогеографическое изучение Припятского Полесья сулит большие возможности для решения проблемы этногенеза славян»¹. «В зависимости от того, какой из двух гипотез о локализации прародины славян (днепровско-припятской или висло-одрской) оказывается предпочтение, Припятское Полесье может рассматриваться либо как часть славянской прародины, либо как район первой славянской миграции. Во всяком случае западная часть Полесья является, по-видимому, своеобразным мостом, по которому проходило древнейшее переселение славян. С востока на запад или с запада на восток? Решение этой дилеммы, очевидно, следует поставить в зависимость от создания лингвистического атласа Припятского Полесья с тремя его частями (фонологической, семантической и топонимической). Такого рода лингвистический атлас мог бы оказаться сопоставимым с археологическим»².

Рецензируемые сборники, обобщающие

итог работы пяти полесских лингвистических экспедиций, предпринятых в 1962—1965 гг., представляют собой первый шаг к созданию атласа полесских говоров и большого областного полесского словаря.

Здесь будут рассмотрены те статьи сборников, которые важны для локализации славянской прародины. Это статьи Н. И. Толстого «О лингвистическом изучении Полесья» (сб. «Полесье») и «Об изучении полесской лексики» (сб. «Лексика Полесья»), Ю. В. Кухаренко «Полесье и его место в процессе этногенеза славян (по материалам археологических исследований)» (сб. «Полесье») и В. А. Никонова «Две волны в топонимии Полесья» (сб. «Полесье»).

Ю. В. Кухаренко, приводя хронологическую схему смены археологических культур в разных районах Полесья и пользуясь семью картами археологического атласа Полесья, пишет: «Одинаковая в общем картина для всего Полесья наблюдается только в древнейший период его истории. Позже, начиная примерно с середины неолитического времени и вплоть до средневековья, Полесье резко делилось на две самостоятельные культурно-исторические области: западную и восточную... Границей между ними на протяжении многих столетий являлась линия, идущая примерно по рекам Ясельде, Припяти (на участке от устья Ясельды до устья Горыни) и Горыни. Большая часть этой археологической границы почти в деталях совпадает с границей расселения балтов и славян в древности, установленной по языковым данным. Позже Ясельда и Припять стали границей между украинцами и белорусами» (стр. 35—36).

Н. И. Толстой на основе атласа белорусских говоров³, охватывающего большую часть полесских говоров, приходит

¹ В. В. Мартынов, Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья, «Советское славяноведение», 1965, 4, стр. 81.

² Там же, стр. 70.

³ «Дзялялекталагічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963. В книге В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов

к выводу, что «...установленная археологами граница Восточного и Западного Полесья, граница культур, прослеживаемая от древних доисторических времен вплоть до эпохи Киевской Руси — по Ясельде до впадения в Припять, по Припяти до впадения в нее Горынь и по Горыни — иногда почти до деталей, иногда с известными отклонениями совпадает с современной диалектной границей, с линией, где проходит основные фонетические и морфологические изоглоссы...» (сб. «Полесье», стр. 8).

В другом месте своей статьи Н. И. Толстой указывает, что ряд лексических изоглосс проходит по той же линии Ясельда — Припять — Горынь (стр. 11). «Следует отметить, — пишет Н. И. Толстой, — ...лингвистическую неоднородность самого Полесья. Наибольшее число внутриполесских изоглосс проходит по линии, уже известной в качестве границы археологических культур, — Ясельда — Припять — Горынь...» (стр. 10). Таковы результаты сопоставления археологических данных Полесья с лингвистическими.

Истаканный В. В. Мартыновым вопрос о том, является ли Припятское Полесье частью славянской прародины или представляет собой район первой славянской миграции с востока (из Преднепровья) или с запада (из Повисленья), также освещается в статьях Ю. В. Кухаренко и Н. И. Толстого.

Ю. В. Кухаренко поддерживает мнение В. В. Мартынова, являющегося сторонником гипотезы о висло-ордской прародине славян. Ю. В. Кухаренко считает, что древнейшее переселение славян с запада на восток, из Повисленья в Приднепровье происходило в западных районах Полесья (стр. 45—46). Н. И. Толстой полагает, что Полесье было зоной, примыкающей к славянской прародине (стр. 8—9). Таким образом, и Ю. В. Кухаренко и Н. И. Толстой поддерживают точку зрения В. В. Мартынова на проблему славянского этногенеза.

Но В. В. Мартынову, «для изучения славянского этногенеза наиболее существенным оказывается славяно-германское лексическое взаимопроникновение древнейшей поры. Оно является одним из важнейших доводов в пользу гипотезы о висло-ордской прародине славян, так как предполагает в качестве необходимого условия длительную географическую смежность славян и германцев. Противники гипотезы выдвигали как основной лингвистический аргумент тезис о предполагаемом отсутствии славянизмов

в прагерманском. В последнее время удалось обнаружить достаточное число надежных примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения древнейшей поры (середина I тысячелетия до н. э.)»⁴. Не оспаривая наличия славяно-германских взаимопроникновений древнейшей поры и существования славянизмов в прагерманском, отражающих тот факт, что славяне вместе с германцами и балтами образовали в пределах индоевропейских языков самостоятельную группу, так называемую североиндоевропейскую, все же считают необходимым признать преимущество славяно-балтийских связей над славяно-германскими. Поместить прародину славян в бассейн Вислы и Одры и считать западную часть Полесья мостом, по которому происходило древнейшее передвижение славянского населения, направляющегося с запада на восток, из Повисленья в Приднепровье, можно было бы только лишь в том случае, если бы языковые связи между славянами и германцами были более близкими, чем связи славян и балтов. Но ведь, как известно, языковые связи славян и балтов были теснее, чем с германцами. Преимущества славяно-балтийских связей над славяно-германскими следует принять и в случае допущения балто-славянской языковой общности, и в случае отказа от такого допущения — в последнем случае следует предполагать, что славянские языки возникли из балтийских⁵.

Вероятнее всего нужно отбросить предположение о существовании в древности балто-славянской языковой общности и считать, что североиндоевропейская языковая общность, выделяющаяся из общиндоевропейской языковой общности, с течением времени распалась на две самостоятельные общности: западную — германскую и восточную — балтийскую. Балтийская языковая общность затем сохранила свой балтийский облик, подвергаясь только лишь незначительным изменениям, а на другой территории до такой степени изменилась, что превратилась в совершенно новую языковую общность — славянскую. Первое проис-

⁴ В. В. Мартынов, указ. соч. стр. 73.

⁵ Ср.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, М., 1958, стр. 38—39. См. также: «Исследования по славянскому языкознанию», М., 1961, стр. 303. Здесь предполагается, что древнейшее состояние балтийских и славянских языков нельзя отнести к одной временной плоскости, поскольку древнейшее состояние, установленное для славянского, следует считать результатом преобразования древнейшего состояния, установленного для балтийского.

Верхнего Поднепровья» (М., 1962) показано, что граница Ясельда — Припять — Горынь является одновременно юго-западной границей балтийских гидронимов бассейна Припяти.

ходило в Восточном Полесье, второе — в Западном.

Итак, для изучения славянского этногенеза наиболее существенными являются не славяно-германские лексические взаимопроникновения древнейшей поры, как считает В. В. Мартынов, а славяно-балтийские языковые контакты. Мы считаем, что Западное Полесье является прародиной славян, представляя собой западную часть древней балтийской территории. Отсюда славянская колонизация распространилась на запад, и районом первой славянской миграции было Повисленье.

В пользу западнополесской прародины славян свидетельствует длительная географическая смежность славян и балтов, которая так ярко отражена в археологических данных, представленных в статье Ю. В. Кухаренко. Эта смежность длилась очень долго: начиная примерно с середины III тысячелетия до н. э., т. е. с середины неолитического времени, и кончая рубежом IX—X вв. н. э., когда Полесье стало целиком славянским: в районах, расположенных к северу от Припяти, вместо балтов в это время живет уже славянский племя дреговичей.

Ю. В. Кухаренко считает, что о славянах и балтах можно говорить только начиная примерно с середины бронзы (стр. 45); однако мы полагаем, что смежность славян и балтов началась гораздо раньше — примерно с середины неолита, т. е. тогда, когда Полесье, до этого времени в археологическом отношении неделимое (культура гребенчатой керамики), подверглось распаду на две самостоятельные области: западную — славянскую и восточную — балтийскую.

Проблема древнего славяно-балтийского Полесья — это не только проблема славянской, но и балтийской прародины. Следует согласиться с мнением Д. А. Телегина, что племена культуры гребенчатой керамики нужно отождествлять с балто-славянами, с той, конечно, оговоркой, что, говоря о балто-славянах, приходится иметь в виду балтов, живущих в эпоху, когда славяне еще не существовали.

Вот что пишет об этих племенах Ю. В. Кухаренко: «Племена культуры гребенчатой керамики, как известно, некоторыми исследователями рассматриваются как какая-то крупная этническая группировка, существовавшая на этой территории с мезолитической эпохи (т. е. с эпохи, когда в Полесье появились наиболее древние поселения. — Л. О.), и даже отождествляют ее с балто-славянской языковой общностью (Д. А. Телегин). Если последняя не мифическое понятие, то перед нами завершающий этап ее существования. Последний, поскольку позже мы уже не встречаем археологических культур, общих для областей, занятых

исторически известными балтами и славянами. И это, кстати сказать, более чем наглядно видно на примере Полесья, занимающего как раз пограничную между балтами и славянами территорию» (стр. 37).

Итак, превращение западнобалтийских племен в славянские привело к распаду древней балтийской территории на две области: славянскую (Западное Полесье) и балтийскую (Восточное Полесье). Этот распад завершился примерно в середине III тысячелетия до н. э., и именно с тех пор начинается длительное смежное развитие славян и балтов, заканчивающееся в X в. н. э., когда Полесье стало полностью славянским и резкое деление Полесья на две области — западную и восточную — исчезло. Как справедливо замечает Н. И. Толстой, «представление о древнем Полесье как о некоем незаселенном или малозаселенном оазисе с непроходимыми болотами и лесами, разделявшим балтийские и славянские племена, оказывается лишним основанием» (сб. «Полесье», стр. 8). Полесье не только не разделяло балтов и славян, но, напротив, объединяло их, будучи занятым балтами (Восточное Полесье) и славянами (Западное Полесье), а в более древние времена являясь исключительно балтийской территорией.

В свете рассматриваемой здесь гипотезы о западнополесской прародине славян и о Повисленье как районе первой славянской миграции предположения о днепровско-припятской или висло-одрской прародине славян вызывают серьезные сомнения. Мы не рассматриваем здесь других гипотез, касающихся локализации прародины славян, поскольку они являются еще более сомнительными. Прежде всего нужно отбросить гипотезу о днепровско-припятской прародине славян, поскольку, благодаря книге В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», установлено, что «территория Верхнего Поднепровья в I тыс. — первых веках II тыс. н. э. была заселена племенами балтийского происхождения»⁶, «начиная с самой отдаленной древности, доступной лингвистическому контролю»⁷.

Говоря о Верхнем Поднепровье как о территории, занятой балтами, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев не имеют в виду западной части бассейна Припяти, т. е. Западного Полесья. Обнаруживая следы балтийских гидронимов к югу от Припяти, авторы добавляют: «Обращает на себя внимание, что балтийские гидронимические следы сосредоточены в восточ-

⁶ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962, стр. 236.

⁷ Там же, стр. 232.

ной части правобережной Припяти (по Уборти, Славечне и Упу), тогда как в западной части (по Горыни) они нами не найдены⁸. О. Н. Трубочев, анализируя гидроиммы на территории, расположенной к югу от Припяти и Десны, показывает распространение балтийских гидроиммов, которые южнее Припяти доходят только до Горыни, не появляясь на запад от этой реки⁹.

Таким образом, юго-западная граница балтийской гидроиммы бассейна Припяти, идущая по линии Горынь — Припять — Ясельда, совпадает, с одной стороны, с наибольшим числом внутриполюских изоглосс, с другой — с границей археологических культур, существующих примерно с середины неолитического времени и вплоть до средневековья. Эта граница отделяла славянское Западное Полесье от балтийского Восточного Полесья. В свете приведенных данных гипотезу о днепровско-припятской прародине славян (если не иметь в виду западную часть припятского бассейна) нужно отбросить окончательно. Следует добавить, что Т. Лер-Сплавинский, рецензируя книгу В. Н. Топорова и О. Н. Трубочева, пришел к выводу, что прародина славян не могла лежать на Днепре или на Волыни¹⁰.

Гипотеза о висло-одрской прародине славян также вызывает серьезные сомнения. Слабой стороной этой гипотезы является то, что ее главный представитель Т. Лер-Сплавинский в связи с отсутствием в период его научной деятельности археологических данных, касающихся Полесья эпохи бронзы и раннего железного века, вслед за археологом Т. Сулимирским полагал, что после периода относительно высокой плотности населения Полесья в конце неолитической эпохи в результате изменения климата в начале эпохи бронзы наступает затопление этой территории, которое вынуждает местное население покинуть ее. Этим объясняется отсутствие археологических данных Полесья эпохи бронзы и раннего железного века. Только с улучшением климата в начале нашей эры происходит новое заселение Полесья с запада, т. е. с территорий, которые Т. Лер-Сплавинский считал прародиной славян¹¹. Таким образом, локализация прародины славян в Полесье, согласно этой теории, невозможна. Полесье следует считать

лишь районом первой славянской миграции с запада на восток.

В настоящее время благодаря исследованиям Ю. В. Кухаренко эпоха бронзы и начала железного века в Полесье археологически настолько изучена, что Ю. В. Кухаренко имеет основание отказаться от мнения о длительном перерыве в заселении Полесья, продолжавшемся от начала эпохи бронзы и вплоть до нашей эры, в связи с его затоплением. По утверждению геологов (М. М. Цапенко), затопления действительно имели место в Полесье, но даже последнее затопление, вызванное отступлением ледника и наступившее в позднелепелитический период, предшествовала мезолиту, при котором в Полесье впервые появился человек (если не считать позднелепелитической самой древней стоянки у дер. Юревичи в пределах Мозырской гряды, единственного палеолитического поселения в Полесье).

Ю. В. Кухаренко пишет: «Несмотря на сильную заболоченность, Полесье сравнительно густо заселено теперь и, как показали исследования последних лет, почти столь же густо, притом без каких-либо длительных перерывов, было заселено и в древности. Относительно низкая урожайность почв Полесья компенсируется и, конечно, еще в большей степени компенсировалась в древности почти неограниченными возможностями для выпаса и содержания скота. В сочетании с другими формами хозяйства этого было вполне достаточно для прокормления населения Полесья. Одним словом, условия для жизни в Полесье были несколько не хуже, а в некоторых отношениях даже лучше, чем в соседних с ним районах. Вот почему Полесье никогда не пустовало» (стр. 20). Итак, археологические исследования Ю. В. Кухаренко доказывают непрерывность заселения Полесья с эпохи мезолита до наших дней. Отпадает самый важный аргумент против локализации прародины славян в Полесье. Районом первой славянской миграции с востока являлось Повисленье, о чем свидетельствует непрерывность заселения польских земель в древности, доказанная археологом Ю. Костшевским.

В свете приведенных данных следует окончательно отбросить гипотезу о висло-одрской прародине славян. Т. Лер-Сплавинский, хотя и отстаивает эту гипотезу, в то же время правильно пишет о зарождении славянской этнической группы на западно-балтийской территории. «Я рассматриваю генезис праславян,— пишет он,— как результат отсечения западного, меньшего ареала от восточной части давнего протобалтийского (балто-славянского) комплекса»¹². Из гипотезы

⁸ Там же, стр. 232—233.

⁹ «Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация», М., 1968, стр. 284—285, карта 16.

¹⁰ Т. Лер-Сплавинский. О северо-восточных окраинах праславянского языка, ВЯ, 1964, 1, стр. 136.

¹¹ T. L e r - S p ł a w i ń s k i, O p o c h o d z e n i u i p r a o j c z y Ź n i e S ł o w i a n, P o z n a ń, 1946, стр. 211—212.

¹² Т. Лер-Сплавинский, указ. соч., стр. 136.

Т. Лер-Сплавинского о зарождении славян на западнобалтийской периферии, как и из гипотезы В. В. Иванова и В. Н. Топорова о возникновении славянских языков из балтийских, также следует признание западнополюсской локализации прародины славян и одновременно отказ от ее висло-одрской локализации, поскольку балтийские племена никогда не находились между Вислой и Одрой.

*

Всю историю Полесья, если применить к ней гипотезу о возникновении славянских языков из балтийских, можно представить следующим образом. С самых древних времен, когда славяне еще не существовали, Полесье и Верхнее Поднепровье, в том числе и западная часть бассейна Припяти, были заселены балтами. В археологическом отношении в это время, согласно мнению Ю. В. Кухаренко, на всей территории Полесья была распространена одна лишь культура — гребенчатой керамики. С течением времени только часть территории, занятой балтийскими племенами к востоку от линии Ясельда — Припять — Горынь, сохранила свой балтийский облик; на этой территории языковая система и лексика не подверглись значительным изменениям. В западной части балтийской территории вследствие значительных изменений в языковой системе и лексике старые балтийские наречия приобрели новый, уже славянский облик. Этот распад Полесья возник в середине неолитического времени, т. е. примерно в середине III тысячелетия до н. э. С тех пор и вплоть до средневековья, т. е. на протяжении многих столетий славяно-балтийский облик Полесья сохранялся. В археологическом отношении в это время, согласно мнению Ю. В. Кухаренко, на месте культуры гребенчатой керамики появляются последовательно различные культуры, отделявшие Западное Полесье от Восточного — воронковидных кубков, шаровидных амфор, затем стижовская, тишинецкая, луницкая и поморская культуры. Восточное Полесье характеризовалось иными культурами: среднеднепровской, сосницкой и милоградской.

Итак, прародина славян возникла на территории западного Полесья примерно в середине III тысячелетия до н. э. (середина неолита). Повисленье было районом первой славянской миграции с востока, поскольку в остальной части Полесья жили по-прежнему балты.

Следующее превращение балтов в славян происходило на территории, находящейся к востоку от Горыни и к югу от Припяти. В статье Ю. В. Кухаренко показано, что после древнейшего распада Полесья на западную и восточную области Восточ-

ное Полесье распалось на две части: северную и южную, с границей, идущей по Припяти; южная часть Восточного Полесья в археологическом отношении примкнула к Западному Полесью. Зарубинецкая культура была первой культурой, объединившей на время западные районы и южную часть восточных районов Полесья в одно целое. Эта культура, появившаяся в конце II в. до н. э., была связана с предшествующей ей славянской поморской культурой и носители зарубинецкой культуры были славянами.

В более позднее время, а именно во второй половине VI в. н. э., как об этом сообщает Ю. В. Кухаренко, появляются славянские памятники пражского типа, которые, выступая на территории, занятой раньше памятниками зарубинецкой культуры, в свою очередь, свидетельствуют о том, что, кроме западных районов Полесья, и южная часть восточных полесских районов была славянской. Эти два распада нашли свое яркое отражение в сравнительной хронологической схеме смены археологических культур в разных районах Полесья.

Они оставили след и в полесской гидрографии, как об этом свидетельствует книга В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева. Противоречиво на первый взгляд утверждение книги о том, что Припять не являлась границей между балтами и славянами, ибо и на юг от Припяти встречаются гидронимы балтийского происхождения¹³ и в то же время она все-таки отделяла балтов от славян¹⁴, легко объясняется, если учесть хронологию. А именно, в древнейший период балты жили по обе стороны Припяти, тогда как в более позднее время они находились только к северу от этой реки.

Итак, история населения Полесья характеризовалась двумя распадами, из которых один, более древний, касался всего Полесья, а другой, более позднего происхождения, — Восточного Полесья. Благодаря первому распаду возникли две самостоятельные области: западная — славянская и восточная — балтийская, с границей, идущей по линии Ясельда — Припять — Горынь. Благодаря второму распаду возникли две части Восточного Полесья: южная — славянская и северная — балтийская, с границей, идущей по Припяти.

Гипотеза В. В. Иванова и В. Н. Топорова о возникновении славянских языков из балтийских подтверждается и в книге В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», где говорится, что «балтийское население Верхнего Поднепровья в своей основной массе не отступало к северо-западу в условиях

¹³ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 232—233.

¹⁴ То же, стр. 244.

распространения славян на этой территории и было постепенно ассимилировано последними¹⁵.

Славяне, находясь на территории, расположенной к востоку от Горыни и к югу от Припяти, конечно, оступились и на Днепре. Эти славяне (здесь можно уже говорить о восточных славянах), согласно мнению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, начали продвигаться вверх по Днепру, заняв сначала территорию, расположенную к востоку от его верхнего течения. Об этом свидетельствует распространение древнего и непродуктивного гидронимического форманта *-ля* и форманта *-ка*, продуктивность которого сохранялась в течение гораздо более длительного времени. Подавляющее большинство гидронимов с этими суффиксами выступает к востоку от Днепра¹⁶. Таким образом, как об этом сообщают оба автора, «западная часть Верхнего Поднепровья лежала в стороне от основных магистралей, по которым осуществлялось восточнославянское продвижение»¹⁷.

С течением времени восточные славяне, осевшие к востоку от верхнего течения Днепра, начали распространяться на смежные с ними территории, осваивая прежде всего правобережье Днепра к северу от Припяти¹⁸. Следует согласиться с мнением В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, что «анализ славянских речных названий к северу от Припяти и вплоть до верховьев Немана делает почти бесспорной мысль о том, что восточные славяне, осваивавшие эту территорию, пришли сюда с востока, с днепровского левобережья, и лишь потом, уже на глазах истории, стали распространяться к северу, вытесняя или ассимилируя более древнее население»¹⁹. По поводу хронологии распространения славян к западу от верхнего течения Днепра и к северу от Припяти Ю. В. Кухаренко пишет, что в V—VIII вв. н. э. на этой территории жили еще балты, а в X в. н. э. уже славянские племена дреговичей.

Племенная дифференциация Полесья в X—XIII вв. н. э. (рис. 8 статьи Ю. В. Кухаренко) хорошо отражает все этапы его славянизации. Волыняне и их предшественники дулебы, жившие в западном Полесье, т. е. на территории прародинных славян, образуют самый древний пласт славянского населения в Полесье. Дrevляне, находившиеся в южной части Восточного Полесья, принадлежат уже к более новому пласу славянского населения. Дреговичи, обитатели северной части Восточного Полесья, представляют самый новый пласт славянского населения в Полесье, и, наконец, ятвяги, зани-

мающие северо-западный угол полесских земель, являются последним следом древнего балтийского населения Полесья.

*

Для решения проблемы славянского этногенеза наряду со статьями Н. И. Толстого и Ю. В. Кухаренко большое значение имеет статья В. А. Никонова. Несомненно, Н. И. Толстой прав, считая, что «сбор материала по топонимике Полесья, создание картотеки, а затем и топонимического атласа — задача очень важная», ибо «топонимика Полесья, хранящая ценные сведения по истории края, способная дать новый материал для решения этногенетических проблем восточных славян и всего славянства в целом, еще ждет своего собирателя, систематизатора и исследователя» (стр. 14).

Статья В. А. Никонова, как скромно замечает автор, «не больше, как нащупывание путей» (стр. 197). Это слишком скромная оценка. Перед нами ценный фрагмент полесской топонимики. В статье рассматриваются ареалы древних формантов *-ичи*, *-овичи* и *-овцы*, *-инцы*. «Формант *-ичи*, — указывает В. А. Никонов, — один из старейших во всей славянской ономастике, в том числе и топонимии. Если бы не было других доказательств его древности, неопровержимый документ — сама его ономастическая универсальность: *-ичи* известно всем группам славянских языков, выступая в этнонимии (лютичи, кривичи, вятичи, дреговичи и др.), и в антропонимии (древнерусские Ольговичи — потомки князя Олега Святославича), и в топонимии (еще до 947 г. — Лаврентьевская летопись упоминает с. Ольжичи близ устья Десны, владение княгини Ольги)» (там же).

Территориальное размещение форманта *-ичи*, установленное В. А. Никоновым подтверждает предположение о том, что Западное Полесье являлось прародиной славян, а Повисленье было районом первой славянской миграции с востока. В. А. Никонов сообщает: «Самый большой массив *-ичи* охватывает западославянские земли, а на восточнославянской территории Белоруссии и Полесье Украины» (стр. 201). И далее: «Массив названий на *-ичи* связывает Белоруссию с восточнославянскими территориями, но не с Россией и Украиной, где занимает только узкую полосу, пограничную с Белоруссией и Польшей» (стр. 204).

Бассейн Припяти, по В. А. Никонову, является южным флангом сплошного распространения названий на *-ичи*, а граница между *-ичи* и *-овцы* в Украинском Полесье, как сообщает В. А. Никонов, совпадает с границей между полесскими и подольскими говорами, с этнографической границей двух видов свитки.

В. А. Никонов ставит вопрос «...с какой стороны шло распространение *-ичи* или *-овцы*? Пришли ли те и другие в Полесье с отдаленных территорий и столк-

¹⁵ Там же, стр. 236.

¹⁶ Там же, стр. 20.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 244.

¹⁹ Там же.

нулись тут? Или наоборот — именно Полесье было их очагом, где возникли оба форманта, разошедшиеся оттуда в двух направлениях? (стр. 202). Исходя из предположения о том, что Западное Полесье являлось славянской прародиной, а Повисленье, — районом первой славянской миграции с востока, мы считаем, что Полесье, а именно западная его часть, являлась территорией, на которой появился этот формант, и отсюда он распространился сначала на западнославянские земли, а потом на остальную часть Полесья и на Белоруссию.

Хронологическая последовательность распространения форманта *-ичи* связана с тем, что, появившись в Повисленье, он не мог одновременно распространиться на остальную восточную часть Полесья и на Белоруссию, так как эти земли в то время были заняты балтийскими племенами. Но с течением времени, когда эти племена постепенно стали превращаться в славян, формант *-ичи* мог занять и Восточное Полесье и Белоруссию. Это мнение основывается на исследованиях гидронимии Полесья В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева. В. А. Никонов справедливо замечает, что «гидронимы в массе гораздо старше, чем названия населенных пунктов, и поэтому позволяя проникнуть в более глубокие времена» (стр. 196).

Наконец, в пользу предположения о том, что Западное Полесье являлось прародиной славян, а Повисленье было районом первой славянской миграции с востока на запад, свидетельствуют лексические соответствия, о которых пишет Н. И. Толстой в статье «Об изучении полесской лексики». Н. И. Толстой справедливо считает, что ближайшими лексическими соответствиями являлись полесско-подляские и полесско-мазовецкие. Лексические же параллели полесско-кашубские, полесско-псковские и полесско-севернорусские являются более отдаленными. Западное Полесье было славянской прародиной, и это позволяет устанавливать наличие полесско-карпатско-южнославянской и даже полесско-южнославянской лексики. На эти соответствия Н. И. Толстой приводит ряд интересных примеров (стр. 12—18).

Остальные статьи, напечатанные в сборниках «Полесье» и «Лексика Полесья», касаются преимущественно вопросов изучения лексики, в том числе составления тематических словарей. В сборнике «Лексика Полесья» публикуются два словаря, отражающих специфическую областную лексику, и девять тематических словарей, отражающих материальную культуру полешуков.

В сборнике «Полесье» помещены две статьи, посвященные фонологии, и одна статья, в которой рассматриваются древние белорусские (в том числе и полесские) тексты, писанные арабским письмом.

Какое значение имеют эти статьи (их двадцать) для проблемы локализации прародины славян и для изучения славянского этногенеза? Следует особо подчеркнуть, что ни в одной из этих статей мы не нашли материала, который бы каким-либо образом опровергал наше предположение о западнополесской прародине славян и о Повисленье как районе первой славянской миграции с востока на запад; напротив, некоторые из них свидетельствуют в пользу этой гипотезы.

Так, А. С. Соколовская в статье «Опыт определения лексической близости диалектов (на материале названий одежды и обуви Припятского Полесья)» пытается применить постулаты В. В. Мартынова, который предлагает при обследовании лексики Полесья сначала определить степень лексической близости говоров друг к другу внутри изучаемой диалектной зоны (первый постулат), а затем — степень лексической близости говоров исследуемой диалектной зоны к смежным зонам (второй постулат), считая, что таким образом могут быть определены, в целях выяснения славянского этногенеза, основные направления славянских миграций. А. С. Соколовская устанавливает в соответствии с первым постулатом, что для всех полесских говоров общей является лексика, характерная для востока Припятского Полесья, тогда как на западе Припятского Полесья выступает более специфическая лексика; в связи со вторым постулатом — что лексика Западного Полесья характеризуется наибольшей близостью к лексике неполесских смежных территорий. Связь западнополесской лексики прежде всего с лексикой неполесских смежных территорий, а не с восточнополесской лексикой следует рассматривать как след древнего распада Полесья на две области: восточную — балтийскую и западную — славянскую; смежные с Западным Полесьем территории, не занятые балтийскими племенами, были районом первой славянской миграции с западнополесских земель. Следики древнего деления Полесья на восточную и западную части являются лексемами, обозначающие земельные участки, характерные только для восточной или только для западной части Полесья. О них пишет Л. Т. Выгонная в статье «К системному описанию полесских названий земельных угодий».

Наконец, следы древнего славяно-балтийского Полесья можно проследить по статье В. А. Москвича «Из полесской терминологии цветообозначений». В. А. Москвич пишет: «...специализированные системы цветообозначений состоят из двух наборов лексем: прилагательных — названий мастей и существительных — кличек животных по масти. Первоначальное состояние специализированных подсистем хорошо сохранилось в литовских говорах, где субстантивированные

прилагательные — названия цвета служат кличками животных. Такое же состояние наблюдается и в говорах Полесья, где исконная славянская лексика представлена в наиболее чистом, свободном от иноязычного влияния виде» (стр. 158). Речь идет, очевидно, о литовско-полеской параллели, в которой сохраняется до наших дней след древнего славяно-балтийского Полесья.

Остальные статьи сборников содержат материал, хорошо отражающий сохранившуюся до наших дней архаическую и достаточно примитивную культуру коренного полеского населения и важный для изучения славянского этногенеза. Тематические словари, помещенные в сборниках, свидетельствуют о древности материальной культуры полешуков. Здесь представлены названия одежды, обуви, пищи, терминология пчеловодства (в том числе и бортичества), гончарства, ткачества, рыболовства, транспорта и, наконец, земледельческая, строительная (хата и хозяйственные постройки), ботаническая и орнитологическая терминология.

Авторы двух фонологических статей, напечатанных в сборнике «Полесье», также подчеркивают древность полесских говоров относительно явлений, которые они рассматривают. Так, М. И. Лекомцева и С. М. Толстая в статье «Фонологический комментарий к полесским диалектам» пишут: «Полесье дает представление об особенностях функционирования диалектов в условиях, которые в настоящее время следует признавать достаточно архаическими, если учесть интенсивный процесс нивелировки современных диалектов» (стр. 47). Т. В. Назарова в статье «Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров» показывает, что по причине архаичности и стабильности украинских правобережнополесских говоров в них существует структурная связь между артику-

ляционной стойкостью этимологического *i* (отсутствие украинской тенденции к его понижению и расширению) и отсутствием нового *i*, возникшего из старого *ě* (ять) и из гласных *o*, *e*, выступающих в новых закрытых слогах. «Правобережное Полесье», — пишет Т. В. Назарова, — представляется одним из наиболее стабильных в лингво-этническом отношении районов, изоглоссы которого могут отражать чрезвычайно древние диалектные отношения» (стр. 97).

В. А. Москович дает следующую характеристику Полесья: «Полесье представляет собой своеобразную лингвистическую область. Интенсивность языковых контактов здесь намного ниже, чем в карпатском ареале. Этим, в частности, объясняется необычайная близость семантики полесских говоров на фоне других славянских говоров. Языковые контакты менее всего исказили реальную картину первоначальных взаимоотношений этих говоров, и этим самым намного повышается важность полесского диалектного материала для реконструкции предшествующих этапов развития славянских языков. Наше исследование иллюстрирует это наличием стойких полесско-карпатско-балканских изолексов — названий мастей животных» (стр. 160—161).

Таким образом, материалы рецензируемых сборников вполне отчетливо подтверждают положение о том, что Западное Полесье было прародиной славян, а Повисленье — районом первой славянской миграции с востока на запад. Работа полесских лингвистических экспедиций, появление сборников «Полесье» и «Лексика Полесья», а в будущем атласа полесских говоров и большого областного полесского словаря приобретают особенно важное значение для современного словяноведения.

Л. Оссовский

А. В. Десницкая. Албанский язык и его диалекты. — Л., изд-во «Наука», 1968, стр. 380.

А. В. Десницкая, без сомнения, является одним из лучших современных знатоков албанского языка. Следует считать удачей для албанистики то, что А. В. Десницкая взялась за написание этой книги, которая содержит чрезвычайно много сведений и завершается превосходным общим обзором. Книга, бесспорно, останется на долгие годы пособием *kat'êxoxu* по албанистике, к сожалению, за пределами Албании очень мало разработанной.

В интересах такого рода исследований желательно, чтобы скорее появились и перевод книги на какой-либо один из западных языков, например, немецкий. Ему мы бы предложили предпо-

слать превосходную статью «Албанский язык в истории сравнительного языкознания (определение принадлежности албанского к индоевропейской лингвистической семье и начало его изучения)», появившуюся в книге под редакцией самой А. В. Десницкой «Балканская филология» (Л., 1970) на стр. 38—61.

Книга А. В. Десницкой делится на две части: в первой (стр. 8—38) кратко описывается современный албанский язык в главах «Общие сведения», «Морфологическая структура», «Литературный язык»; вторая часть дает тщательное описание самих диалектов, рассматриваемых со стороны их наиболее характерных особенностей. Она состоит из вводной первой